

УДК 801.73

doi: 10.15421/1717109

Проблема перевода и герменевтический канон Э. Бетти

Н. В. Бевз

Харьковская государственная академия культуры, Харьков, Украина

Выполненная в статье аналитическая работа проясняет взаимосвязь между различными философскими подходами к проблеме интерпретации. Проведение такого анализа вызвано необходимостью оценки степени применимости принципов современной философской герменевтики к общей методологии перевода. В ходе исследования было определено, что концептуальные построения в сфере теории перевода испытывают влияние со стороны как герменевтики гадамеровского типа, так и ее постсовременных радикализаций, однако такая излишняя нагруженность постсовременными философскими установками вызывает определенные деформации и в практике перевода. Было выяснено, что техники реконтекстуализации и стратегии «мультипликации интерпретаций» вполне уместны в качестве способов продуцирования философских и художественных текстов, однако в случае необходимости адекватной трансляции исходного смысла подмена переводчиком авторской основы произведения произвольными смысловыми дубликатами абсолютно недопустима. В качестве одного из наиболее эффективных методологических «предохранителей» от негативного влияния «расширенной герменевтики» XX века предлагается использовать герменевтические принципы Эмилио Бетти, возвращающие герменевтику в русло научной объективности и ориентирующие любую герменевтическую практику на адекватное представление в интерпретации исходного авторского смысла.

Ключевые слова: перевод; герменевтика; интерпретация; деконструкция; герменевтический канон; Эмилио Бетти

The problem of translation and the E. Betti's hermeneutic canon

N. V. Bevz

Kharkiv state academy of culture, Kharkiv, Ukraine

The analytical work carried out in the article clarifies the relationship between various philosophical approaches to the problem of interpretation. Such analytical work is necessary to assess the degree of applicability of the principles of modern philosophical hermeneutics to the general methodology of translation. The characteristic features of the modern «posthermeneutic» set of ideas are: approval of the merger of historical horizons, upholding the indivisibility of the past and present, approval of rootedness of interpretive practices in prejudices, shift in the accent in the «author – reader» pair in favor of the reader's figure, rejection of the author's monopoly on the meaning of the text, evaluation of the significance of the work in terms of the number of its interpretations, etc. However, if we need an adequate «articulation» of the original meaning, which requires any qualitative translation, the substitution of the arbitrary semantic duplicates instead of author's basis of the text is absolutely unacceptable. Consequently, a return to classical hermeneutics is still necessary. As an example of such a methodological return to the past, the «hermeneutic canon» by Emilio Betti is considered. According to Betti, the characteristic features of Gadamer's philosophical hermeneutics mean the actual rejection of claims to any «scientific character of hermeneutics» as such. In its turn, Betti's hermeneutic canon includes four principles. The first of these postulates the initial autonomy of the interpretation object. This principle is supplemented by the «canon of semantic coherence» or «integrity» of the interpretation object. This principle emphasizes the importance of an expanded understanding of hermeneutic connectivity. This means that for the interpreter it is necessary to understand the different levels of structural integrity. This may be the correlation between the individual parts inside the single piece, and the «integrity» of a different kind, such as biographical, historical, cultural integrity, etc. The third Betti's canon is called the «canon of relevance of understanding». It means that the interpreter must try to «reverse-translate» the thought that is embodied in the work. This can be done by «re-designing» the author's creative path and by the actualizing his creative impulse. The fourth principle is called by Italian thinker as «canon of semantic adequacy» or «canon of hermeneutic semantic conformity», which actually means well-known «principle of congeniality» of interpreter and author. The unity of these four principles returns hermeneutics to scientific objectivity and directs any hermeneutic practice to an adequate representation of the original author's meaning in the interpretation.

Keywords: translation; hermeneutics; interpretation; deconstruction; hermeneutic canon; Emilio Betti

Цитування даної статті: Бевз Н. В. Проблема перевода и герменевтический канон Э. Бетти / Н. В. Бевз // Науково-теоретичний альманах «Грані». – 2017. – Т. 20. – № 8. – С. 23-30. doi: 10.15421/1717109

Citation of this article: Bevz, N. V., 2017. Problema perevodu i germeneticheskiy kanon E. Betti [The problem of translation and the E. Betti's hermeneutic canon]. Scientific and theoretical almanac «Grani» 20; 8, 23-30. doi: 10.15421/1717109 (in Russian).

Received: 22.06.2017

Accepted: 19.07.2017

Проблема перекладу та герменевтичний канон Е. Бетті

Н. В. Бевз

Харківська державна академія культури, Харків, Україна

Аналітична робота, яка була виконана у запропонованій статті, прояснює взаємозв'язок між різними філософськими підходами до проблеми інтерпретації. Проведення такого аналізу зумовлюється нагальною потребою в оцінці ступеня придатності принципів сучасної філософської герменевтики для вирішення завдань у полі загальної методології перекладу. Під час дослідження було визначено, що концептуальні побудови у сфері теорії перекладу зазнають відчутного впливу з боку як герменевтики гадамерівського типу, так і її постсучасних радикалізацій, що викликає певні деформації у практиці перекладу. Також у статті робиться акцент на тому, що техніки реконтекстуалізації та стратегії «мультиплікації інтерпретацій» цілком доречні в якості способів продукування філософських та художніх текстів. Проте у разі необхідності адекватної трансляції вихідного сенсу, чого вимагає будь-який якісний переклад, підміна перекладачем авторської основи твору довільними смисловими дублікатами є абсолютно неприпустимою. В якості одного з найбільш ефективних методологічних «запобіжників» щодо негативного впливу «розширеної герменевтики» ХХ століття пропонується використовувати герменевтичні принципи Еміліо Бетті, що повертають герменевтику на шлях наукової об'єктивності та орієнтують будь-яку герменевтичну практику на адекватне представлення в інтерпретації вихідного авторського сенсу.

Ключові слова: переклад; герменевтика; інтерпретація; деконструкція; герменевтичний канон; Еміліо Бетті

Постановка проблеми. На первый взгляд, проблемная область, очерчиваемая тематикой данной статьи, имеет довольно локальный, а главное – не вполне философский характер (особенно, если мы акцентируем внимание на первой части ее формулировки). Действительно, если речь идет непосредственно о практике перевода текста той или иной жанровой принадлежности, то разве не степень владения языком оригинала в совокупности с набором базовых техник перевода (а также способами контроля качества перевода) должны обеспечивать ее успешность? Разве наличествует здесь пространство для какой-либо теоретической проблематизации вообще?

Несмотря на возможность такого (вполне понятного) скепсиса, мы должны все же ответить на последний вопрос утвердительно. И дело тут как раз в упомянутом «качестве», а точнее – во взаимосвязи качества перевода и его релевантности исходному тексту. Вопреки кажущейся (с точки зрения, так скажем, «обыденной») работы переводчика) очевидности прямой зависимости между этими характеристиками, нельзя не отметить, что здесь присутствует определенная проблематическая «завязка». Причем проблема, лежащая в концептуальной плоскости, влечет за собой и определенные практические следствия, то есть может служить основой для тех или иных «технических» особенностей переводческой деятельности.

Конечно же, любое теоретизирование, которое выходит за рамки такой «техники» и пытается работать на уровне общей методологии перевода, уместно лишь в том случае, если предметным полем переводческой практики выступают тексты определенного свойства, поскольку тексты, допускающие минимум интерпретативной свободы (или не предполагающие ее вовсе), сводят на нет и любую герменевтическую проблематику. Нелегко, к примеру, пытаться воплотить идеал «мультипликации интерпретаций» с целью максимально

полного раскрытия некоего глубинного уровня изначального смыслообразования, если речь идет, скажем, об учебнике по векторному и тензорному анализу, спецификации к чертежу или инструкции по сборке письменного стола. Однако в отношении текстов иного качества (то есть когда мы имеем дело с теми или иными образцами художественной литературы, поэтическими произведениями, философскими трактатами, теологическими сочинениями и т. д.) перевод, без сомнения, можно рассматривать как особую форму герменевтической практики. Причем важно понимать, что такой масштаб рассмотрения перевода («теории перевода», если угодно) требует анализа именно философско-герменевтических его аспектов. Это объясняется тем, что общие методологические ориентиры в работе со сложными, многозначными, «потенцированными» в плане своих возможных интерпретаций текстами задаются именно преобладающей философской установкой в отношении того, чем является язык, смысл, интерпретация и понимание вообще, а также какова задача переводчика в случае работы с такими текстами в частности.

Таким образом, в контексте вопроса об общей методологии перевода практическая («конкретная») проблема заключается в том, что концептуальные подходы к переводческой деятельности оказываются на данный момент излишне нагруженными постсовременными философскими установками, которые могут вызывать определенные деформации на «техническом» уровне осуществления переводов. Проблема же теоретическая заключается в том, что вовлеченность существующих концепций перевода в пространство (пост)современной «расширенной герменевтики» требует разработки определенных методологических «предохранителей» (либо акцентирования внимания на уже существующих), которые бы не позволяли превращать пресловутую «интерпретативную свободу» в неуместный «переводческий произвол».

Цель исследования. Данное локальное исследование в качестве основной цели предполагает как определение границ, которые герменевтическая риторика постсовременности не должна переступать, дабы не разрушать саму переводческую практику как таковую, так и акцентирование основных принципов, которые могли бы выполнять роль указанных выше методологических «предохранителей».

Анализ исследований и публикаций. В самом общем плане современная ситуация в сфере философского осмысления сущности перевода так или иначе связана с «расширенной» герменевтикой нового типа, которая стала возможной после определенных теоретических трансформаций в гуманитарной сфере, датируемых первой половиной – серединой XX века. В отношении герменевтики такие изменения ярче всего воплотились в разработках М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. Речь при этом идет не столько о конкретных методиках, сколько о глобальном теоретическом сдвиге, который заключается в кардинальном расширении предметной области герменевтического анализа. Фактически, с определенного «момента» (то есть с выходом «программных» работ указанных авторов) в поле герменевтического поиска может теперь находиться все, что угодно, поскольку «мир» вообще, понимаемый не как совокупность «онтической» предметности, но как «смысловая тотальность», всегда уже является «человекомерным». Таким образом, интерпретатор всегда имеет дело с той или иной «смыслосодержащей формой», которая принадлежит исторически конкретной ситуации. Причем такая ситуация всегда опережает субъективность, выступая и в роли предмета герменевтического анализа, и в качестве условия возможности последнего, а сама «герменевтическая процедурность» при этом рассматривается как экзистенциальный «конститутив» того, что мы, собственно, и называем «субъективностью» [6; 7; 17].

Дальнейшие расширения такой теоретической позиции являются лишь ее «вариациями» и «конкретизациями», примером чего можно считать, скажем, «герменевтику социального действия» П. Рикера [5; 15]. Если же согласиться с мнением о том, что герменевтика в текстах Хайдеггера и Гадамера достигает масштабов самой философии, то вполне понятным будет то обстоятельство, что процедура перевода трансформируется при этом в форму глубинного диалогического взаимодействия с произведением, его автором и теми «онтологическими условиями», из которых «вырастает» автор и его тексты.

Вместе с тем, постмодернистские варианты трактовки сущности переводческой деятельности, как представляется, слишком заостряют тему «свободы интерпретации». В крайних формах такие подходы вообще теряют связь со здравым смыслом, являясь образцами весьма изощренной

в стилистическом отношении, но всего лишь «негативно-спекулятивной» философской работы. Примером этого, на наш взгляд, являются философские построения Ж. Деррида [11; 12], который, развивая взгляды на смысл и задачи переводческой деятельности В. Бенямина [3], занимается, по сути, пересмотром феноменологической теории знака [9; 10] и радикализацией на этой основе базовых положений философской герменевтики.

В условиях того воздействия, которое в явной и неявной формах оказывает «расширенная герменевтика» XX века в наши дни как на европейскую культуру в целом, так и на деятельность разного вида и уровня интерпретаторов, переводчиков, культурологов, философов и пр. «гуманитариев», герменевтические разработки Э. Бетти [4] в своей «реакционности» выглядят весьма экзотично. Однако «герменевтический канон» этого итальянского философа демонстрирует тот факт, что путь, который с позиции философской герменевтики является весьма ограниченным, тривиальным, архаичным, «историцистским», «антидиалогичным» и т. д., все еще может претендовать на свое «место под солнцем», реанимируя положения «классической» герменевтики, развитие которой кристаллизуется в трудах Ф. Шлейермахера и, казалось бы, завершается в XIX веке философией В. Дильтея. Причем такая «реанимация», по замыслу Э. Бетти, как раз и призвана служить своеобразным «противовесом» для возможных негативных последствий всеобщего распространения установок философской герменевтики (гадамеровского типа) в самых различных сферах общественной жизни (от работы переводчика до юридической практики).

Изложение основного материала. Говоря о проблеме поиска путей «нормализации» и «балансировки» практики перевода, стоит отметить, что на данный момент попытка акцентировать необходимость ограничения поля переводческой свободы в пользу качества перевода выглядит не особо популярным шагом. Однако стоит сразу оговорить, что в данном случае речь не идет о стремлении свести перевод всего лишь к механической передаче «прямого», явного смысла. Ключевое положение нашей статьи состоит в том, что в случае, когда мы говорим о квалифицированном, качественном переводе как форме герменевтической практики, то мы всегда имеем дело с достаточно конкретным предметным полем для осуществления этой практики. А потому неоправданное перенесение положений философской герменевтики гадамеровского типа на вполне определенные переводческие процедуры может не столько способствовать реализации творческой свободы, направленной на вскрытие и трансляцию чего-то «невыразимого» в произведении, сколько препятствовать получению адекватного перевода. Стремление высвободить внутренние смысловые

резервы слова, стремление добраться до некоего «глубинного» уровня языка, настойчивое генерирование «добавочных» смыслов и предоставление им равноправия в «горизонтальной» плоскости герменевтического раскрытия произведения – все это характерные для (пост)современной мысли установки в работе переводчика с текстом-оригиналом. Так, например, Вальтер Беньямин [3], который еще задолго до Жака Деррида и Ролана Барта [1] писал о своеобразном «чистом языке», доступ к которому является, якобы, предельной задачей любого перевода. Представляется, что в данном случае подразумевается существование особого «метаязыкового» слоя человеческого опыта, который лежит «глубже» всех возможных языковых форм и вместе с тем обуславливает возможность последних. Такая обусловленность объясняет, по мнению Беньямина, и принципиальное родство всех существующих и существовавших когда-либо языковых систем, что делает возможным, в свою очередь, сам феномен «переводимости» как таковой: «Любое надъисторическое родство языков заключается в том, что в основе каждого в целом лежит одно и то же означаемое, которое, однако, недоступно ни одному из них по отдельности, но может быть реализовано лишь всей совокупностью их взаимно дополняющих интенций. Это означаемое и есть чистый язык» [3].

О таком же «чистом языке» говорит и Деррида, а у Жоржа Батая мы находим очень близкое по значению понятие «суверенного письма» [2]. И во всех этих случаях, повторимся, задача переводчика заключается не в передаче явного смысла того или иного текста, а в реализации потенциала замкнутых, ограниченных структур каждого конкретного языка, то есть в том, чтобы «дать слово» (насколько это вообще возможно) тому самому «чистому языку». Таким образом, сама по себе процедура перевода, как ее представляет, скажем, тот же Деррида, означает принципиальную незавершенность. То есть перевод с этой точки зрения – это, в определенном смысле, изначальное условие возможности самого произведения, поскольку без этой незавершенности любое произведение просто невозможно. При этом фактическая данность литературного произведения мыслится скорее не как готовый, статичный результат, но как бесконечно длящийся во времени процесс – процесс своего самораскрытия в переводах, интерпретациях, реконтекстуализациях и т. д. (для Деррида, впрочем, это самораскрытие будет иметь не столько герменевтический, сколько деконструктивный характер, хотя между ними и можно, на наш взгляд, установить определенную взаимосвязь [8]).

Интересно, что определенное ограничение поля приложения философско-герменевтических принципов мы находим уже у Ролана Барта, который говорит, что в своеобразной «борьбе против языка» самым эффективным средством является

поэтическое письмо, поскольку именно поэтический знак стремится к максимально полной реализации возможностей означаемого на пути к схватыванию того, «что можно назвать трансцендентальным свойством вещи» [1, с. 101]. И хотя у Деррида такого «сужения» деконструктивного фокуса мы не наблюдаем, однако вполне очевидно, что описываемые им свойства перевода должны касаться только тех текстов, по отношению к которым мы вообще можем говорить о наличии некоего «невыразимого» смысла. Повторимся: «самораскрытие в переводе» может происходить только с художественными произведениями (и то – относительно). А возможность такая обеспечивается тем, что такие произведения воплощают в слове субъективные рецепции «онтологического измерения» автора. И если в каком-либо тексте нет выхода в эту сферу, то и пространства для его интерпретации (а значит и для его перевода как формы интерпретации) тоже не будет: максимум, который может и должен в таком случае сделать переводчик, это точно передать определенную объективную информацию и не более того.

Какие именно благие цели вымостили дорогу в «деконструктивный ад» – тема отдельного разговора. Здесь же мы просто еще раз сделаем акцент на том, что определенные генетические линии, связывающие и философскую герменевтику, и деконструкцию в единый клубок, который во многом определяет современную ситуацию в сфере гуманитарных наук, все же существуют. По крайней мере, всегда можно сказать, что помимо Ницше именно Хайдеггер (кстати, проницательный и оригинальный читатель Ницше) задает новые измерения свободы для европейской мысли, которые позже причудливым образом оформляются в постструктуралистские концептуальные построения. И острота возможной полемики между условным «герменевтом» гадамеровского толка и «деконструктором» в стиле Деррида в действительности коренится лишь в вопросе о «предельных основаниях и границах» (то есть превращается ли в конечном итоге «фундаментальная онтология» в «онтологию Отсутствия» или нет), в то время как методически в них можно увидеть много общего.

Отметим далее, что в хайдеггеровском варианте герменевтики термины (или пресловутые «экзистенциалы», которые призваны схватывать «бытийное устройство присутствия» [17, с. 73]) должны интерпретироваться независимо от любого заранее заданного «конвенционального» набора смыслов. Соответственно, способ герменевтической (или же феноменологической, в контексте «герменевтики фактичности» Хайдеггера различия здесь нет) работы с ними – это раскрытие, высвобождение тех возможностей, которые содержит в себе сама «материя», «фактура» слова. Содержание же «метафизически нагруженного» понятия из сферы тривиального говорения, согласно Хайдег-

геру, определяется неким «предпониманием», то есть тем местом в наброшенном на бытие «эскизе» мироустройства (или же – в «метафизической картине мира»), которое занимает такое понятие. Совокупность же взаимосвязей и смысловых отсылок внутри такого «эскиза» (в котором выражается «заступающая» сущность экзистенции) и задает возможные способы конвенциональных определений понятий. Ценность же герменевтических терминов определяется, следовательно, тем, насколько внутренне богатой может быть их форма. Или же, другими словами, мощностью того «смыслового потенциала», который реализуется в процессе артикуляции их многозначности [16; 17].

Таким образом, хайдеггеровские герменевтические термины, в отличие от статичных «метафизических» понятий, которые являются частью актуальной «научной парадигмы», представляют собой в определенном смысле «путь». Это может означать лишь то, что их назначение состоит не в обозначении элементов и свойств предметной данности, но в схватывании становления, а значит – в указании направления интерпретации. Понятия всегда соотносятся с фиксированным и объективно значимым содержанием, термины же герменевтики не имеют такой жесткой привязки к единичному значению (или к заданному набору значений). При этом процесс интерпретации как раскрытие комплекса заложенных в этих терминах смыслов не должен, по идее, являться абсолютно произвольным «вложением» содержания в определенную словесную «оболочку». Интерпретация всегда должна двигаться по траекториям, которые определяются тем, что можно назвать «внутренней формой слова» [16; 17].

Вместе с тем эта «внутренняя форма слова» (изучением которой занимался еще А. А. Потебня [14]) обуславливает также связывание герменевтических терминов между собой. То есть связь между ними устанавливается особым способом, отличным от того, с помощью которого соотносятся «метафизические» понятия. Последние связываются между собой теоретически (то есть логически), однако этот способ является для Хайдеггера неприемлемым с позиций его «феноменологической герменевтики», поскольку «логика предполагает сужение онтологической перспективы» [7, с. 142]. Потому герменевтический термин в хайдеггеровском смысле представляет собой некую «отправную точку» на довольно сложном «неметафизическом» пути извлечения смыслов, где связь означает не логическую соотнесенность, а скорее некий феноменальный «резонанс». [16, с. 137-138]

Развивая базовые положения фундаментальной онтологии Хайдеггера, Гадамер в дальнейшем формирует базис философской герменевтики в том виде, в котором мы знаем его и сегодня. Естественно, что на фоне популярности столь мощного философского направления попытка совершить

«реверсивный» маневр и вернуться на позиции «классической» герменевтики (если, конечно, можно применить такой эпитет по отношению к герменевтике В. Дильтея) не имела особых шансов на успех и широкое распространение, однако внимания такой шаг по указанным в начале статьи причинам все-таки заслуживает. В первую очередь стоит отметить в некотором роде «отрезвляющее» воздействие, которое способны оказывать на читателя полемические выпады итальянского философа в сторону Гадамера. Тексты Бетти вполне убедительно показывают, что такие «слабости» классической (или же «романтической») герменевтики, как изоляция исторических эпох и утверждение изначальной независимости произведения и его автора по отношению к принадлежащим современной эпохе читателям, интерпретаторам или переводчикам, не только не являются изъясном герменевтики, но и составляют условия ее существования как объективной научной практики. [4].

Выходит так, что Гадамер оказывается под перекрестным огнем разнонаправленной критики (что, в общем-то, при более детальном рассмотрении многих историко-философских ситуаций не кажется чем-то необычным): для такого мыслителя, как Деррида герменевтика Гадамера оказывается слишком метафизичной, ограниченной и «центричной», а для Бетти – недопустимо свободной, безосновательной, необъективной и ведущей в итоге к неприемлемым с научной точки зрения результатам. Слияние исторических горизонтов, утверждение неразделимости прошлого и настоящего, укорененность интерпретативной практики в предрассудках, смещение акцента в паре «автор – читатель» в пользу фигуры читателя, острое неприятие монополии автора в отношении смысла произведения, оценка значимости произведения по «плотности» его интерпретационных последствий и другие характерные маркеры философской герменевтики Гадамера означают для Бетти фактический отказ от притязаний на какую-либо «научность» как таковую. [4; 6].

Стоит, впрочем, отметить, что сам Гадамер не был столь категоричен в отношении теоретических позиций Бетти и признавал обоснованность его претензий, что видно по приводимому итальянским мыслителем в своей книге фрагменту письма Гадамера [4, с. 112-113]. Из замечаний, изложенных в этом письме и высоко оцененных Бетти, следует, что немецкий философ не отрицает идеалы научного познания, однако считает, что научный метод является довольно ограниченным. Точнее, само понятие метода излишне нагружено современными научными взглядами, что не позволяет увидеть принципиальную ограниченность такой его формы. Научный метод, согласно Гадамеру, оперирует критериями, которые лежат в сфере должного, а не ориентируется на то, что присутствует в жизни фактически (и в жизни уче-

ного в том числе). Таким образом, Гадамер снова воспроизводит хайдеггеровский ход с онтологизацией тех человеческих атрибуций, которые с философской (для Хайдеггера – «метафизической») точки зрения относятся к сфере гносеологии. Именно поэтому критика как один из главных атрибутов научного познания для Гадамера всегда вторична по отношению к пониманию, которое исходно присутствует в форме «предпонимания» как основа для любой критической деятельности, ценность которой Гадамером не отрицается.

Что же хочет противопоставить Эмилио Бетти гадамеровскому проекту философской герменевтики и ее экспансивному расширению в сфере гуманитарных наук? Как мы уже отметили выше, для Бетти единственным способом для нейтрализации воздействия гадамеровской герменевтики является «реверсивное» движение к классическим герменевтическим принципам, сконцентрированным и развитым в философии Вильгельма Дильтея. Суть его философского призыва в методологическом плане конкретизируется в четырех принципах, образуя своеобразный «четырёхчастный герменевтический канон» (или же, если быть ближе к тексту Бетти, – «четыре канона истолкования»).

Первый из декларируемых Бетти принципов герменевтической практики постулирует исходную автономию объекта интерпретации. Итальянский философ так и называет его: «канон герменевтической автономии объекта», добавляя, что данный принцип можно обозначить и как «канон имманентности герменевтического масштаба» [4, с. 28-30]. Уточнение весьма уместное, поскольку при поверхностном ознакомлении с сутью дела может быть не совсем понятно, о какой автономии идет речь. Дополнительное же обозначение указывает на то, что произведение как определенная «смысло-содержащая форма» несет сама в себе свою обусловленность, то есть выступает репрезентацией замысла автора и его ментальной работы, именно поэтому «смысл нельзя, так сказать, подбросить, напротив, он должен быть извлечен из этой формы» [4, с. 29]. Следовательно, речь здесь идет об изначальной автономии произведения по отношению к его интерпретатору, для которого такая автономия отнюдь не означает непреодолимой замкнутости объекта интерпретации, однако требует считаться с его уникальным смыслом, значением и особенностями создания. Важным здесь является также замечание Бетти о том, что понимание (а равно и передача этого понимания в поле другого языка, то есть перевод) не должны зависеть от тех смыслов, которые может приобретать смысло-содержащая форма, взятая изолированно от своей репрезентирующей функции и помещенная в какой-то иной контекст (а ведь такая реконтекстуализация характерна и для философско-герменевтических практик, и для деконструкции, да и вообще – составляет едва ли не важнейший прием многих

направлений современного искусства). Однако, как отмечает Бетти, «пригодность для какой-либо внешней цели не может быть мерилom смысло-содержащей формы, сколь бы очевидной ни казалась эта цель интерпретатору» [4, с. 30].

Данный принцип дополняется «канонem смысловой связности» (или же «целостности», «тотальности») объекта интерпретации. Ничего необычного и нового в этом принципе нет: сам Бетти отмечает, что последний был хорошо сформулирован уже во времена Древнего Рима. Итальянский мыслитель лишь еще раз отмечает важность расширенного понимания указанной связности (на котором, в частности, настаивал Ф. Шлейермахер). Имеется в виду, что для интерпретатора является необходимым понимание различных уровней структурной тотальности, то есть учет не только взаимосвязей между отдельными частями внутри единого произведения, но и «целостностей» иного порядка: биографических, исторических, культурных и т. д. [4, с. 30-37].

Нетрудно увидеть, что оба рассмотренных выше принципа касаются объекта интерпретации. Что же касается субъекта, то его интерпретативные стратегии должны выстраиваться в ориентации на два следующих канона. Первый из них Бетти называет «канонem актуальности понимания», причем в данном случае речь идет не об изначальной вписанности произведения в контекст современной культуры, а об осознанной «ревитализации» процесса создания смысло-содержащей формы. То есть интерпретатор в идеале должен пытаться провести «обратный перевод» воплощенной в произведении мысли путем «повторного конструирования» творческого пути автора и «резонансной» актуализации его творческого импульса [4, с. 40-41].

Таким образом, под актуальностью здесь понимается выведение процесса толкования на уровень «собственной жизненной актуальности», когда задача исследователя, интерпретатора, переводчика в работе с теми или иными смысло-содержащими формами состоит в том, чтобы «в рамках собственного опыта (посредством своего рода перемещения) приспособить их к своему собственному духовному горизонту и включить в него – что возможно благодаря тому самому синтезу, который позволяет повторно конструировать и вновь познавать соответствующий предмет» [4, с. 40-41].

Впрочем, стоит отметить, что у Гадамера также присутствует подобный мотив, выражающийся в форме описываемой им фундаментальной внутри- и межкультурной диалогичности как «диалектике предельных вопросов и ответов». Согласно Гадамеру, это есть внутренний принцип взаимодействия культурных эпох, позволяющий им сосуществовать в горизонте настоящего и сохранять герменевтическую открытость любых произведений человеческого духа [6]. Так что, по большому счету, противоречие в этом пункте меж-

ду Бетти и Гадамером выглядит весьма условным. Да и вообще обыгрывание подобной «актуализации» является довольно характерной чертой для философской мысли XX века (вспомним, к примеру, диалогизм М. М. Бахтина или мамардашвилевский «шаг навстречу» как условие возможности воспроизведения философского акта). Другое дело, что без учета предыдущих принципов толкования она может обретать подчас совершенно причудливые формы реализации.

Второй субъективный принцип именуется итальянским мыслителем как «канон смысловой адекватности» (параллельное обозначение – «канон герменевтического смыслового соответствия») [4, с. 117-121]. Данный принцип базируется на утверждении того, что адекватное воспроизведение творческих интенций автора может осуществить лишь «дух равного уровня». То есть мы фактически имеем здесь дело с «принципом конгениальности», хорошо известным еще со времен Аврелия Августина. Также, согласно Бетти, самой по себе субъективной актуальности воспроизводимого опыта еще недостаточно, если она не подкрепляется максимально нейтральной позицией интерпретатора, к достижению которой должно вести «честное и решительное преодоление собственных предрассудков и воззрений, могущих повредить непредвзятому пониманию» [4, с. 118]. Таким образом, «интерпретатор должен стремиться привести собственную жизненную актуальность к глубочайшему внутреннему согласованию с побуждением, исходящим от объекта» [4, с. 118-119]. В свою очередь, такое побуждение должно запускать у интерпретатора процессы самоанализа, самоосмысления и самокритики, которые исполняют роль постоянных корректирующих факторов и обеспечивают надлежащий уровень объективности толкования. В дополнение к вышесказанному отметим, что герменевтический канон Эмилио Бетти эффективен только в единстве осуществления всех своих принципов. При этом понятно, что описанные требования адекватной реактуализации и точной реконструкции творческого процесса создания произведения составляют своеобразную задачу-максимум, выполнить которую вряд ли возможно. Однако такая невозможность не является для Бетти (и здесь он снова воспроизводит мысль Дильтея) поводом отказаться от притязаний герменевтики быть объективным методологическим основанием гуманитарных наук, совсем наоборот. То, что для Гадамера является поводом отказаться от попыток выстраивания герменевтического ме-

тода по образцу методов строгих наук, для Бетти составляет инспирирующий фактор любого объективного научного поиска, коим для него, без сомнения, должна быть и герменевтика.

Выводы. Таким образом, мы можем констатировать, что современные общеметодологические установки относительно практики перевода не могут не испытывать влияния как ключевых положений философской герменевтики гадамеровского толка, так и постмодернистских философских конструктов. В разных формах и в разной мере тотальность таких теоретических принципов явно или косвенно апеллирует к необходимости достижения в переводе уровня «невывразимого означаемого», некоего «метаязыка», под которым понимается предельное основание любой языковой системы. Однако на практике подобная установка часто инспирирует смещение в сторону определенной формы «переводческого произвола».

Ситуация выглядит таким образом, что этот пресловутый «метаязык» кажется просто эффективным фигуральным обозначением чего-то, что лежит либо в эмоциональной сфере человека, либо принадлежит уровню так называемого «мыслекода» [13]. Можно сказать и по-другому: это есть фигуральное обозначение эмоционально окрашенных фиксаций своих «бытийных условий», своей собственной «онтологии», которые человек творчески воплощает в тех или иных смылосодержащих формах. Поэтому выходит так, что теоретические ориентиры, которые успешно работают в сферах искусства и философии, на прикладном уровне дают сбой. Из этого следует, что современные философско-герменевтические установки применимы лишь в ограниченной форме и только лишь по отношению к переводу текстов особого качества. В свою очередь, методология литературного перевода должна содержать в себе определенные теоретические «предохранители», которые могли бы успешно нейтрализовать негативные последствия чрезмерно свободного отношения к переводческой практике. На наш взгляд, одним из наиболее эффективных «средств ограничения» в данном случае является рассмотренный «четырёхчастный герменевтический канон» Эмилио Бетти, ориентирующий герменевтическую практику (одной из форм которой является деятельность переводчика) на сохранение и адекватное представление в интерпретации исходного авторского смысла.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Р. Барт / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Батай Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай / Пер. с франц., послесловие и комментарии С. Л. Фокина. – СПб.: Аxioma, 1997. – 334 с.
3. Беньямин В. Задача переводчика: [Электронный ресурс] / В. Беньямин / Пер. с нем. Е. Павлова. – Режим доступа: <http://kassandron.narod.ru/commentary/11/6ben.htm#0>.

4. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти / Пер. с нем. Е. В. Борисов. – М. : Канон+ ; РООИ Реабилитация, 2011. – 144 с.
5. Вдовина И. С. Поль Рикер: феноменолого-герменевтическая методология анализа произведений искусства / И. С. Вдовина // Феноменология искусства : сборник работ. – М. : ИФ РАН, 1996. – С. 140-159.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
7. Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества / Х.-Г. Гадамер / Пер. с нем. А. В. Лаврухина. – Минск: Прописи, 2007. – 240 с.
8. Герменевтика и деконструкция : [сборник работ] : [Электронный ресурс] / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. – СПб. : Издательство Б. С. К., 1999. – Режим доступа : http://www.bim-bad.ru/docs/hermeneutics_and_deconstruction.pdf.
9. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль / Пер. с нем. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. – 336 с.
10. Гуссерль Э. Логические исследования: пролегомены к чистой логике / Э. Гуссерль / Пер. с нем. – Киев : Вентури, 1995. – 256 с.
11. Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен : [Электронный ресурс] / Ж. Деррида / Пер. с французского В. Е. Лапицкого. – СПб. : Machina, 2012. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Derr/vokr_vav.php.
12. Деррида Ж. Невоздержанное гегельянство / Ж. Деррида ; [пер. с фр.] // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века : сборник работ / Сост., пер., комм. С. Л. Фокина. – СПб. : Мифрил, 1994. – С. 133-173.
13. Пинкер С. Как работает мозг / С. Пинкер / Пер. с англ. О. Ю. Семиной. – М. : Кучково поле, 2017. – 672 с.
14. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев : СИНТО, 1993. – 192 с.
15. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер / Пер. с фр. и вступит. ст. И. С. Вдовиной. – М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2002. – 624 с.
16. Фалев Е. В. Герменевтика Мартина Хайдеггера : монография / Е. В. Фалев. – СПб. : Алетейя, 2008. – 212 с.
17. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с. – (Philosophy).
18. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г. Г. Шпет. – М. : УРСС Эдиториал, 2006. – 216 с.

REFERENCES

1. Barthes, R., 1989. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress, 616 (in Russian).
2. Bataille, G., 1997. Vnutrennij opyt [Inner experience]. SPb., Axioma (in Russian).
3. Benjamin, W. Zadacha perevodchika [The task of the translator]. Access mode: <http://kassandron.narod.ru/commentary/11/6ben.htm#0> (in Russian).
4. Betti, E., 2011. Germenevtika kak obshhaja metodologija nauk o duhe [Hermeneutics as a general methodology of sciences of the spirit]. Moscow, Kanon+; ROOI Reabilitacija (in Russian).
5. Vdovina, I. S., 1996. Pol' Rikjor: fenomenologo-germenevticheskaja metodologija analiza proizvedenij iskusstva [Paul Ricoeur: phenomenological-hermeneutic methodology of analysis of works of art]. Fenomenologija iskusstva. Moscow, IF RAN, 140-159 (in Russian).
6. Gadamer, H.-G., 1988. Istina i metod: osnovy filosofskoj germenevtiki [Truth and method: the basis of philosophical hermeneutics]. Moscow, Progress, 704 (in Russian).
7. Gadamer, H.-G., 2007. Puti Hajdeggera: issledovanija pozdnego tvorchestva [Heidegger's ways: the study of late work]. Minsk, Propilei (in Russian).
8. Stegmayer, V., Frank, H., Markov, B. V. (Eds.), 1999. Germenevtika i dekonstrukcija [Hermeneutics and deconstruction]. SPb., Izdatel'stvo B. S. K. Access mode: http://www.bim-bad.ru/docs/hermeneutics_and_deconstruction.pdf (in Russian).
9. Husserl, E., 1999. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Moscow, Dom intellektual'noj knigi (in Russian).
10. Husserl, E., 1995. Logicheskie issledovanija: prolegomeny k chistoj logike [Logical investigations: prolegomena to pure logic]. Kiev, Venturi (in Russian).
11. Derrida, J., 2012. Vokrug vavilonskih bashen [Towers of Babel]. SPb., Machina. Access mode: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Derr/vokr_vav.php (in Russian).
12. Derrida, J., 1994. Nevozderzhannoe gegel'janstvo [Intemperate hegelianism]. Tanatografija jerosa: Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl' serediny XX veka. SPb., Mifril, 133-173 (in Russian).
13. Pinker, S., 2017. Kak rabotaet mozg [How the mind works]. Moscow, Kuchkovo pole (in Russian).
14. Potebnja, A.A., 1993. Mysl' i jazyk [Thought and language]. Kiev, SINTO (in Russian).
15. Ricoeur, P., 2002. Konflikt interpretacij. Oчерki o germenevtike [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow, KANON-press-C; Kuchkovo pole (in Russian).
16. Faljev, E.V., 2008. Germenevtika Martina Hajdeggera [Hermeneutics of Martin Heidegger]. SPb., Aletejja (in Russian).
17. Heidegger, M., 2003. Bytie i vremja [Being and time]. Har'kov, Folio (in Russian).
18. Shpet, G.G., 2006. Vnutrennjaja forma slova: jetjudy i variacii na temy Gumbol'dta [Inner form of the word: etudes and variations on the Humboldt's themes]. Moscow, URSS Editorial (in Russian).

Бевз Надежда Викторовна – кандидат философских наук, доцент
Харьковская государственная академия культуры
Адрес: 61057, Харьков, Бурсацкий спуск, 4
E-mail: nadinsunny@outlook.com

Bevz Nadezhda V. – PhD in philosophy, associate professor
Kharkiv state academy of culture
Address: 4, Bursac'kij uzviz, Kharkov, 61057, Ukraine
E-mail: nadinsunny@outlook.com
ORCID 0000-0002-1925-7485